

Дун Цзюньин нахмурился:

— Что? Ты о чем?

— Мне кажется, «сяньбэй» может значить не просто рисовое печенье, — глаза Цзянь Наня вдруг загорелись, в голосе прозвучало возбуждение. — Нам нужно мыслить шире! Передача ведь о старинной кухне, значит, и названия ингредиентов могут быть связаны с древними текстами.

Мысль была вполне разумной.

Дун Цзюньин снова нахмурился:

— А в древних источниках у слова «сяньбэй» было другое значение?

Цзянь Нань не спеша катил велосипед, глядя вперёд:

— Можно сходить в библиотеку и проверить. Хотя это немного затянет нас по времени.

Он беспокоился, что пока они будут искать, уже стемнеет.

Дун Цзюньин почесал подбородок, задумчиво пробормотав:

— А если просто у кого-нибудь попросить телефон и быстро проверить?

— Нельзя, — Цзянь Нань тут же покачал головой. — Режиссёр сказал, что пользоваться телефонами запрещено. Все же отобрали перед съёмкой.

Они шли медленно, рядом, а в голове Дун Цзюньина явно что-то вертелось — видно было по тому, как он всё время морщит лоб.

Зрители, наблюдавшие за трансляцией, тоже начали волноваться:

«Этим двоим простачкам победить будет тяжело.»

«Ха-ха, два бронзовых игрока в одной команде!»

«А вон Ли-гэ — будто с читами играет, уже почти всё купил!»

В эпоху стримов и больших данных всё держится на темпе: стоит участникам заскучать или отстать, — рейтинги падают стремительно, как камень в воду.

Цзянь Нань продолжал ломать голову.

— В эпоху Шан слово сянь иногда означало «рыба», — задумчиво произнёс Дун Цзюньин, почесав затылок. — А бэй... может быть, от чжи — «остановка»? Там ведь есть похожее значение.

Наследник вытер пот со лба:

— Значит, возможно, «сяньбэй» — это «рыбаостановка»?

Глаза Цзянь Наня вспыхнули, он едва не подпрыгнул от восторга:

— Да ты гений! Просто блеск!

На лице Дун Цзюньина расплылась довольная улыбка. Он слегка покашлял, гордо вскинул подбородок:

— Пустяки. Поверхностные знания. Есть ли вообще что-то, чего я не умею?

Цзянь Нань, глядя на его самодовольную физиономию, не удержался от смеха и нарочно поддел его:

— Дун-гэ, раз уж ты такой всесторонний талант, может, я научу тебя кататься на велосипеде?

— ...

Дун Цзюньин резко побледнел:

— Нет!

Цзянь Нань прыснул, едва сдерживаясь, и, передразнивая его тон, протянул, утрируя каждое слово:

— «Есть ли вообще что-то, чего я не умею?»

— Цзянь Нань! — воскликнул Дун Цзюньин, покраснев до кончиков ушей.

— Пф-ф! — Цзянь Нань спрятал лицо, смеясь, и махнул рукой:

— Ладно-ладно, не кипятись, Дун-гэ. Пошли, купим эту твою «рыбу-остановку»!

Маленький Дун, кипя от возмущения, плюхнулся на сиденье велосипеда. Цзянь Нань уселся впереди, и, везя его обратно к рыбному рынку, вскоре узнал, что «юй чжи» — «рыба-чжи» — действительно существует. Более того, во всём рынке нашлась лишь одна лавка, где её продавали.

Они подошли к прилавку, за которым хозяин разделывал рыбу.

— Вам «юй чжи» нужна? — уточнил он, вытирая руки.

— Да, — кивнул Цзянь Нань. — Заверните, пожалуйста, мы всё оплатим.

Но торговец лишь махнул рукой:

— Видите тот бак с морепродуктами? Если сегодня продадите всё содержимое — за свою «юй чжи» не платите.

Цзянь Нань и Дун Цзюньин переглянулись, на лицах зажглись одинаковые лукавые улыбки. Не теряя ни минуты, схватили бак и помчались прочь.

В чате трансляции оживление:

«Наконец-то они поняли, как играть!»

«Эти двое — просто золото, не пара, а комедия!»

«Раньше я Цзянь Нань терпеть не могла, а теперь он даже симпатичный. Нормальный парень же!»

Пока они шли вдоль дороги, Цзянь Нань краем глаза заметил на поясе у Дуна небольшой вышитый мешочек — яркий, аккуратный, сразу бросался в глаза.

— У тебя красивый мешочек, — заметил он. — Работа какой мастерицы?

Дун Цзюньин с достоинством посмотрел на него:

— Правда? Это память о моей маме. Она сама его вышила — у неё золотые руки были, особенно в вышивке.

Цзянь Нань вспомнил: мать Дуна умерла, когда тот был ещё совсем мальчишкой. Он тактично сменил тему:

— И правда, отличная работа. Давай, может, здесь остановимся и будем пробовать продавать?

— Давай, — кивнул Дун Цзюньин.

Место оказалось у небольшого прибрежного рынка. Вдоль дороги стояли и другие лотки — рыбаки с корзинами и ведёрками. Городок был старинный, морской, тут все жили рыбой — свежей, дешёвой и пахнущей солью.

Цзянь Нань выкрикивал цену, но прохожие только слушали и уходили дальше — покупателей не прибавлялось.

Дун Цзюньин, нахмурившись, присел на корточки и вдруг заговорил:

— Надо что-то придумать. Я сделаю плакат, чтоб привлечь внимание.

— И что на нём напишешь? — с любопытством спросил Цзянь Нань.

Дун потер подбородок, сосредоточенно думая, потом глаза его засияли, и он хлопнул в ладони:

— Напишем: «Продаю рыбу, чтобы похоронить отца!»

— ...

Цзянь Нань даже не успел что-то ответить — а зрители уже катались со смеху.

«Дун-цзун, ты в порядке?!»

«Сидишь дома, никого не трогаешь — и вдруг тебя похоронили!»

Цзянь Нань хлопнул его по плечу:

— Где это видано, чтобы так писали?

— Да в сериалах постоянно так бывает, — невозмутимо ответил Дун Цзюньин, присаживаясь рядом. — Люди подумают, что мы бедняги, пожалеют — и купят рыбу.

Цзянь Нань только вздохнул, не зная, смеяться или плакать.

Лавочник, видно, и правда дал им дорогуший товар — Цзянь Нань уже мысленно смирился с тем, что не продаст и половины. Но вдруг у их импровизированной точки стало собираться всё больше народа — причём в основном девушек.

— Мне на двести юаней! — воскликнула одна из них, глядя прямо на Цзянь Наня, глаза — как звёзды.

— Э-э... не многовато ли? — растерялся он.

— Нет-нет! — девушка вдруг смутилась, покраснела и добавила, заикаясь: — Просто... можно с вами сфотографироваться?

Цзянь Нань и Дун Цзюньин переглянулись.

— Подожди, — нахмурился Дун, — а почему только с ним? А со мной ты не хочешь? Я что, не достаточно красив?

Девушка замерла, ошарашенная прямотой вопроса:

— Я просто... фанатка Наня...

— А, значит, я не интересен, — заключил Дун, изображая оскорблённую гордость.

Чат взорвался:

«У нашего маленького Дуна странное чувство соперничества »

«Ха-ха-ха, вот она — уязвлённая мужская гордость!»

В итоге решили по-честному — сфотографировались со всеми по очереди.

Но перед уходом девушка вдруг наклонилась к Цзянь Наню, смущённо, но громко выпалила:

— Хотя Дун-гэ тоже классный, но всё равно, Нань-Нань, я болею за тебя и Ли-гэ!

Цзянь Нань остолбенел.

— Что она сказала? — Дун Цзюньин посмотрел на него с подозрением.

— Кхм... — Цзянь Нань притворился, что не расслышал. — Не знаю, ветер помешал.

Дун, сжимая купюры в руках, не поверил:

— Подожди, то есть я ей не нравлюсь? Она думает, что Ли Чуань лучше меня?!

Цзянь Нань лишь молча посмотрел на него.

— Пожалуйста, веди себя нормально, — пробормотал он наконец. — Я начинаю бояться.

Эта парочка доводила всех до смеха. Пусть один — безызвестный актёр, а другой — внезапно втиснувшийся в шоу «наследник», но вместе они оказались на удивление харизматичными. Популярность их стрима неуклонно росла.

«Ха-ха-ха, взбешённый маленький Дун снова в деле!»

«Девочки, поднимаем флаг — за пару! »

«Это тот самый стрим “продаю рыбу, чтобы похоронить отца”? Я пришла, не опоздала?»

В шуме и весёлом гомоне, среди людей и смеха, Цзянь Нань и Дун Цзюньин наконец продали всё. Сдав заказ в назначенный ресторан, они узнали, что теперь нужно ехать в центр города на общее собрание участников.

Цзянь Нань устало выдохнул:

— Я больше не могу... поехали обратно.

— Угу, — отозвался Дун. Выйдя из ресторана, он вдруг достал из-под куртки бутылку воды и протянул её Цзянь Наню:

— На, пей!

Тот округлил глаза:

— Откуда?

Дун сунул бутылку ему в руки и совершенно спокойно сказал:

— Когда сдавал рыбу, с соседнего стола прихватил.

Цзянь Нань завис на месте.

Вот это да.

Он сжал бутылку, понизил голос:

— Ты уверен, что никто не заметил?

— Никто, — так же шёпотом, но с уверенностью ответил Дун. — Кроме тебя и меня, об этом не узнает ни один человек.

Цзянь Нань серьёзно кивнул:

— Понял.

Позади оператор, державший камеру, заметно дрожал от сдерживаемого смеха. В чате уже катались по полу:

«Ага, никто не знает, кроме нескольких миллионов зрителей!»

«Ребята, давайте сделаем вид, что ничего не видели, ладно?»

«Почему у Дуна такое мастерство к... хм... “логистике”?»

Цзянь Нань сделал пару больших глотков, и почти полбутылки ушло. Рядом Дун шёл, задумчиво глядя под ноги, пока вдруг его лицо не посерело. Он машинально коснулся пояса.

— Мой мешочек, — прошептал он.

— Что с ним? — насторожился Цзянь Нань.

— Его нет! — Дун растерянно обшарил куртку, карманы, пояс. — Пропал!

В его глазах мелькнула настоящая паника — будто из груди вырвали что-то дорогое.

— Может, ты обронил его на рынке? — предположил Цзянь Нань. — Не переживай, поехали вместе, посмотрим. Может, кто-то нашёл.

Дун уже рвался вперёд, но Цзянь Нань удержал его за руку.

Закатное солнце окрасило узкие улочки в золотисто-розовый цвет. Цзянь Нань поднял упавший велосипед, закинул ногу на педаль и посмотрел на Дуна сверху вниз — уверенно, спокойно, с мягкой решимостью:

— Садись.

На его голове всё ещё красовалась та самая нелепая шляпа, грим добавлял веснушки и делал лицо комичным, но глаза — яркие, живые, тёплые — вдруг притянули взгляд, будто внутри них было солнце.

Дун, не колеблясь ни секунды, вскочил на заднее сиденье.

— Обхвати меня за талию, — сказал Цзянь Нань.

Дун Цзюньин замялся, отвёл взгляд:

— Не нужно, я сам удержусь.

— Меньше разговоров, времени нет, — отрезал Цзянь Нань и, не терпя возражений, взял его за запястье, положив ладони Дуна себе на талию. — Держись. Поехали!

Он с силой давил на педали. Велосипед сорвался с места, ветер наполнил вечер воздухом — прохладный, пахнувший морем. Цзянь Нань мчал во весь опор, а Дун за его спиной пытался не свалиться, пока улицы и вывески мелькали как вспышки света. О сборе в центре города они уже и думать забыли.

Они обошли почти весь рынок — и ничего. К тому времени, как стемнело, людей на прибрежных улочках почти не осталось.

Двое сели на бордюры, уставшие и понурые. Ветер поздней весны уже нёс в себе прохладу; он пробирал до костей и будто тянул вниз и без того упавшее настроение.

Цзянь Нань глянул на Дуна. Тот, нахмурившись, провёл ладонью по лицу — и Цзянь Нань осторожно протянул ему носовой платок.

— Ты... плачешь? — спросил он тихо.

— Я? Ничего подобного! — поспешно ответил Дун, снова вытирая лицо. Но вместе с жестом за его пальцами скатились две чистые, крупные слезинки. — Всего-то мешочек потерял, и что теперь, реветь из-за этого?

Цзянь Нань хотел хоть как-то приободрить его.

— Знаешь, я где-то читал: если тебе дорога вещь, нужно искать её с верой и надеждой. Тогда между вами будто бы появляется связь, и она сама отзовется. А вот если опускать руки — тогда точно не найдёшь.

Дун поднял на него глаза — влажные, блестящие.

— Правда?

Цзянь Нань, видя, как тот немного ожил, решительно кивнул:

— Конечно правда.

...и сразу понял, что зря сказал.

Потому что через секунду маленький Дун, шмыгнув носом, вытянул руки к небу и, с надрывом, почти со слезами выкрикнул:

— Мой мешочек, вернись ко мне! Я скучаю по тебе! Ты мой лучший друг, как же я без тебя жить буду?!

Ветер подхватил его голос и унёс вдоль пустой улицы, заставив сверкнуть в небе последние лучи заката.

Цзянь Нань закрыл лицо руками.

— Господи... позор-то какой... — простонал он сквозь пальцы.

А в чате тем временем творился хаос:

«Я тоже чуть не прослезился... пока не услышал это! »

«Не могу, помогите! Он реально разговаривает с мешочком!»

«Настоящий золотой мальчик!»

«Все молчим! Будем серьёзными! ...ХА-ХА-ХА!»

Примечание:

Зрители: Здравствуйте, Сяо Дун. Расскажите, что случилось.

Сяо Дун: Вы, наверное, не знаете... У меня был друг. Очень близкий. Мы с ним прошли многое. Но однажды он пропал... А я человек чувствительный, понимаете? И вот теперь я остался без него...

Зрители: Пффф!

Сяо Дун: Что вы смеётесь?

Зрители: Простите, просто вспомнили радостное событие.

Сяо Дун: Радостное? Какое ещё радостное?

Зрители: У моей жены ребёнок родился.

Читатели этой сцены: ХА-ХА-ХА! ПФФФ!

Сяо Дун (подозрительно): А вы-то теперь чего ржёте?

<http://bllate.org/book/12642/1121271>